

ТАТАРСКОЕ БОГОСЛОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Резеда Рифовна Сафиуллина-Аль Анси
Казанский федеральный университет, Казань

В свое время Миркасым Абдулахатович Усманов очень точно и емко выразил характерную черту, свойственную татарскому народу на протяжении многих веков: «Һәр халыкның үзенә генә хас бер сыйфаты була, диләр. Аның ерак һәм якын узганын, бүгенгесен, хәтта киләчәген дә билгели торган төп сыйфат – милли сыйфаты. Безнең халыкның шундый төп үзенчәлеге нәрсәдән гыйбарәт соң? Мин... халкымның... милли йөзен, рухи кыяфәтен билгели торган төп үзенчәлеге дип, иң элек бер сыйфатын әйтер идек. Ул бер сүзгә генә сыеп бетә: Китаплылык. Әйе, китаплы, ягъни язулы булу («Приято считать, что у каждого народа есть присущее только ему свойство. Основное свойство, характеризующее его далекое и близкое, настоящее и даже

будущее... В чем же заключается главная особенность нашего народа? Я бы в первую очередь назвал в качестве основной, определяющей национальное лицо, духовный облик моего народа особенности, качество, которое можно выразить одним словом: Книжность. Да, это наличие книжной, письменной традиции»). [Госманов, 1994, с. 5].

Следует отметить, что большую часть этой книжной традиции составляет религиозная литература богословского содержания. Это и классические сочинения авторитетных авторов исламского мира, так и сочинения местных авторов. Средневековье и Новое время дали многих талантливых мыслителей с нисбой поволжского происхождения, которые были широко известны во всем тюркском мире и мусульманском Востоке [Сафиуллина, 2001, с. 156]. И в последнее время стали возвращаться многие незаслуженно забытые памятники богословской мысли, звучащие поразительно актуально в наше время.

Круг вопросов, поднимавшихся в татарской богословской мысли, включал в себя как проблематику сугубо догматического характера, связанную с исламским вероучением, мусульманским правом, так и проблематику философского, исторического, социального, политического характера, а также вопросы методологии научного познания. Среди поднимавшихся в татарском богословском наследии тем на сегодняшний день особо актуальное звучание приобретают такие, как взаимосвязь между разумом и откровением; отношение к философии; вопросы вероучения; отношение к спекулятивному богословию (ашаритскому вероучению, так и каламу, в целом); проблема свободы воли; предмет всеобщей божьей милости; эсхатологические вопросы; тасаввуф; вопросы исламского права; проблемы экзегетики, перевода Корана и многие другие.

Вопросы вероучения, в частности, включают в себя такую проблематику, как разделение на группы и школы в вопросах вероучения, попытки устранения разногласий, вопрос определения веры [Мозаффаров, 1915a, с. 524–528], [Мозаффаров, 1915b, с. 556–560], [Камали, 1911a], [Камали, 1911b], дискуссии о признании деяния (амал) как истинной части (джуз хакики) веры, дискуссии об увеличении и уменьшении веры, проблема обвинения в неверии (такфир) и пр. Г. Курсави, Ш. Марджани и др. татарские ученые уделяли особое внимание разоблачению недочетов ашаритского толкования к ханафитскому кредо в вопросе божественных атрибутов) [Исламское вероучение, 2013, с. 14–15]. Проблематика единобожия (таухида) также отражена в трудах Р. Фахретдина, Г. Баруди [Баруди, 1891], М. Ахмаджан [Мостафа, 1915] и многих других татарских ученых. К вероучительной проблематике примыкает и поднятый Мусой Бигиевым вопрос о предмете всеобщей божьей милости [Бигиев, 2005].

Обращаясь к проблематике суфизма, татарские богословы освещали широкий диапазон вопросов. С самого начала распространения суфизма в татарском мусульманском мире в виде тарикатов Ясавия, Кубравия, Накшбандия актуализируется дискуссия о двух путях: шариате и тарикате, а также оппозиции: юридический – мистический ислам, эта дискуссия вылилась в критику суфизма и ишанизма.

Рассматривавшиеся в татарской богословской мысли правовые вопросы включают в себя проблематику усул ал-фикх (методологии или основ исламского права) и частные вопросы фикха. В первую очередь это вопросы иджтихада и таклида, талфика – смешивания правовых толков, отказа от мазхабов. Большое внимание к вопросам фикха было обусловлено особенностями функционирования в рамках Российского государства и правового пространства норм исламского шариата. Татарские богословы занимались рассмотрением вопросов поклонения (ибадат). Это вопросы, связанные с ритуальным очищением (тахарат), особенностями совершения молитвы, временем совершения намаза в короткие летние ночи, особенностями проведения пятничной молитвы и пр. Особое место в татарском богословском наследии занимает рассмотрение вопросов взаимоотношений (муамалят) – брачно-семейные, наследственные, торгово-экономические и другие вопросы. В условиях бурного развития капиталистических отношений и финансово-кредитных институтов актуализируется рассмотрение проблемы ссуды и ростовщичества. Также в татарском богословском наследии мы видим рассмотрение проблемы нововведения (бидга), вопросов халял и харам, языка проповеди и многое другое.

Вопросы социального и политического характера также охватывают широкий спектр проблем. Это и, казалось бы, такой частный вопрос, как язык хутбы, так и проблема соотношения национальной идентичности и конфессиональной принадлежности. Это и вопросы дозволенности произведений искусства (музыки, театра, изобразительного искусства). Это и отражение гендерного и многих других вопросов.

Вызовы современности, с которыми сталкивается исламский мир и наш регион в частности, чрезвычайно актуализировали тему преемственности – использования религиозного интеллектуального, богословского наследия прошлого с опорой на собственные корни в области мусульманской мысли и наук. Воссоздание отечественной исламской богословской школы является одной из важнейших задач, стоящих перед российскими мусульманами. Наряду с этим на фоне происходящих в мире и нашем обществе стремительных изменений на наших глазах происходит переоценка и новая интерпретация мусульманского наследия. Мы видим актуализацию исламской тематики практически во всех сферах современной общественной жизни, и в первую очередь – в духовной. Касается это и музейной деятельности.

В основу данного доклада лег опыт участия в создании концепции рекспозиции Музея исламской культуры, расположенного в мечети Кул Шариф, а также опыт создания Музея истории исламского образования, расположенного в Российском исламском университете.

Первое открытие Музея исламской культуры в мечети Кул Шариф было осуществлено в феврале 2006 г. Спустя 6 лет со времени открытия прежней экспозиции возникла необходимость пересмотра концепции музея. Эта работа осуществлялась с учетом последних тенденций развития исламоведческого знания в целом, а также с учетом наработок в изучении самобытной местной религиозной традиции в рамках различных гуманитарных наук: истории, филологии, религиоведения, социологии, социальной философии, этнографии и др. Новая экспозиция Музея исламской культуры была представлена вниманию публики весной 2014 г. Впоследствии опыт участия в разработке концепции Музея исламской культуры лег в основу созданного в одной из аудиторий Российского исламского университета Музея истории исламского образования татар, приуроченного к 15-летию юбилею РИУ.

Экспозиции Музея исламской культуры и Музея истории исламского образования с самого начала своего формирования преследовали научно-просветительскую и культурно-информационную цели – дать представление о том, что такое ислам с его многообразием и вкладом в мировую и татарскую культуры, раскрыть роль ислама в истории и культуре татарского народа, показать специфику «татарского восприятия ислама».

При формировании экспозиций Музея исламской культуры внимание разработчиков было нацелено не только на то, чтобы ознакомить посетителей музея с историей и догматами ислама, но и показать ислам как источник культуры, образования, богатой письменной традиции, а также как важный фактор в формировании татарской нации и национальной идентичности.

В числе задач, обозначенных разработчиками концепции экспозиции, присутствуют такие:

- дать представление об основном источнике ислама – Коране, в том числе и о месте и роли Корана в истории и культуре татар;
- продемонстрировать единство мировых авраамистических религий через краткую историю пророков и Священных Писаний;
- дать общее представление об основных канонах и предписаниях ислама, в том числе и через специфику их восприятия и соблюдения у татар;
- отразить особенности мусульманской семьи как основы мусульманского общества и основных принципов мусульманского воспитания, в том числе и в татарском обществе;
- показать многообразие ислама через отражение течений в исламе, особенностей суннитского и шиитского ислама, а также ханафитского, шафи-

итского, маликитского, ханбалитского мазхабов, роль ханафитского толка в формировании местной формы бытования ислама у татар;

– показать историю развития мусульманской цивилизации в зеркале наивысших достижений науки и искусства (памятники мировой мусульманской архитектуры, книжная традиция, система образования, достижения науки – астрономия, математика, медицина, литература, поэзия, искусство);

– показать экономическое и политическое пространство мусульманского мира и ислам как динамичную, открытую религию, находящуюся в постоянном развитии в соответствии с познанием мира.

Основные разделы экспозиции:

• Ислам и средневековые тюрко-татарские цивилизации Поволжья (Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство и татарские ханства).

• Сохранение исламских традиций в доекатерининский период.

• Мусульманская община – махалля.

• Татарское реформаторство.

• Подъем мусульманского движения в Российской империи.

• Ислам и татарская диаспора.

• Советский период: время трагедий и потерь в условиях тотального атеизма.

• Новая волна возрождения: путь толерантности и миротворчества.

Коран являлся основой образования и культуры татарского народа. Поэтому главным экспонатом изначально является Коран, который представлен в Музее исламской культуры как в виде образа Книги, так и в ее проявлениях во всевозможных формах: рукописной, печатной, цифровой, звуковой. Как минимум три возможных подхода к Корану – религиозный, художественный и научный – нашли свое воплощение в экспозиции музея. Во всех разделах экспозиции активно используются цитаты из Корана, даются различные варианты звучания Корана: 14 канонических образцов чтения Корана, примеры различных местных макамов, в том числе и татарский. Наряду с тем, что в экспозиции представлены переводы Корана на языки народов мира, особое внимание уделяется татарским переводам Священной книги.

Следует отметить, что традиции татарской экзегетики и проблема перевода Корана – это одна большая отдельная тема в татарском богословском наследии. Наряду с тем, что идеи и сюжеты Корана занимают определенное место в традиционном искусстве и литературе татар, кораническая тематика находит широкое отражение в интеллектуальном творчестве таких татарских ученых-богословов, как Ш. Марджани, Г. Баруди [Баруди, 1907], З. Камали, М. Бигиева [Бигиев, 1915], Тунтари [Түнтәри, 1913] и др. Сама история татарского тафсира – это одна из граней татарского богословского наследия. Перемены в жизни мусульманской общины в конце XVIII – пер-

вой трети XIX вв. оказали определенное влияние на переосмысление коранических установок, вывели на первый план проблему перевода Корана, вопрос методики перевода [Мараш, 2005].

Сама история исламизации народов Поволжья предлагает интересные сюжеты для музейной экспозиции. В частности, наряду с отражением официальной даты принятия ислама в Волжской Булгарии (922 г.), сюда удачно вписывается обыгрывание текста легенды о сподвижниках пророка Мухаммада, посетивших Булгар, так же, как и макеты предметов, якобы принесенных легендарными сахабами: трость, чернильница, чалма с интерпретацией их символических значений. Детали или макеты мусульманских некрополей [Халикова, 1986], письменные источники – тексты ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Гарнати, Ибн Хаджара ал-Аскалани, Ибн Фадлана – все это образцы материальной и духовной культуры, воссоздающие картину ислама в регионе.

Но в связи с тем, что со времен Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства не сохранилось большого количества письменных источников и предметов, это создает определенные трудности при выстраивании экспозиции. Единственный известный науке болгарский письменный источник домонгольского периода под названием «Большой тирйак» (1220–1221) – труд по медицине, принадлежит перу Таджаддина Булгари, оказавшемуся волею судеб в Мосуле (Ирак) [Таджаддин, 1997].

Поэтому при формировании музейной экспозиции также активно может использоваться непредметный способ отражения взаимосвязей восточных культур, их взаимовлияний. Например, такие факты, как то, что кадий Булгара Халида ал-Булгари, придерживавшийся тариката Ахмада Ясави, был учителем и шейхом знаменитого султана Махмуда I Газневи (967–1030) [Марджани, 1885], или факты о связях болгарского ученого Хасана б. Умара ал-Булгари с городом Гянджа в Азербайджане и со Средней Азией [Марджани, 1885], или о болгарском кадии Йакубе б. Нумане, который был из учеников Абу-л-Маали Джувайни» [Путешествие, 1971], или о выходе из Ирака, получившем образование в Булгаре, а потом преподававшем в Анатолии и Сирии можно представить в виде карты, нанеся на нее изображения этих мест и условных портретов этих персонажей. И не обойтись здесь без изображения базаров в Средней Азии, являвшихся центрами книжной торговли, куда ездили болгарские купцы и шакирды. Карта также позволяет наглядно продемонстрировать, что болгаро-татарское население компактно проживало не только в Среднем Поволжье, а после монгольского нашествия, на волне миграционных процессов, мусульмане и ислам распространяются также на Урале, юго-западных регионах Сибири. С начала XIII в., принятие золотоордынцами ислама способствовало образованию единого культурного поля, наиболее активными распространителями ислама среди

тюркских кочевников евразийских степей, в том числе и тюркского населения Золотой Орды, были суфийские миссионеры, на этих территориях происходит формирование культа мусульманских святых – аулия. Изображения христианских, иудейских храмов в Сарае служат отражением веротерпимости, которая была присуща государственному и общественному строю Золотой Орды.

В музейной экспозиции должна быть отдельно отображена тема предпочтения в Волго-Уральском регионе ханафитского мазхаба, основатель которого – имам Абу Ханифа, живший в удалении от аравийских центров, избировавший хадисами, был весьма осторожен в их использовании и отдавал предпочтение рациональным методам извлечения решений из священных источников. Последователи ханафитской школы в правотворчестве и судопроизводстве руководствовались тем, что главное внимание следовало уделять смыслу, а не букве установлений, учитывая при этом местную специфику. Таким образом, учение Абу-Ханифы и его последователей давало возможность относительно свободного действия в решении правовых вопросов в зависимости от конкретной обстановки.

Смысловым центром раздела, посвященного средневековому периоду, явилось воссоздание комнаты переписчика с реконструкцией предметного ряда – подставка для книги, письменный набор: бумага, береста, заготовки для пера, заточенное перо, нож для заточки, футляр, чернильница, карандаш, костяные, металлические писала и пр.

Такие экспонаты, как рукописные источники, цитаты из трудов средневековых авторов исламского мира, путешественников той эпохи, свидетельствуют о распространении ислама в регионе, отражают уровень развития письменной культуры, литературы, культуры, образования, науки, богословия. Это и книги выдающихся теологов и поэтов мусульманского Востока, имевшие распространение в регионе, и материалы мусульманских некрополей, демонстрирующие точность ориентировки на части света (археологические раскопки в городах Биляре и Суваре свидетельствуют о применении булгарами сложных математических расчетов, включая геометрию и тригонометрию), инструменты, образцы посуды – керамика, металл, монеты, украшения с надписями, символикой, макеты архитектурных сооружений, схемы родословных (силсила, шеджере): суфийских шейхов, сеидов, копии документов, указов и пр.

Смысловым центром раздела, посвященного Новому времени, является Кабинет просветителя (Г. Баруди). За окном – улица, через улицу виднеется медресе Мухаммадия, Новотатарская слобода.

Изменение государственной политики по отношению к исламу, реформаторское движение представлены портретами видных представителей

джадидизма. Подъем мусульманского движения в Российской империи сопровождается благотворительной деятельностью татарских купцов, изменениями в системе образования, появлением татарской периодической печати, активизацией книгоиздательской деятельности, политической активностью.

Очагами образования были медресе. В связи с этим создатели экспозиции Музея истории исламского образования за основу решили взять ансамблевое решение: по центру – рельефный портал арочного входа в среднеазиатское медресе, отражающий влияние Средней Азии на формирование религиозного образования. По две стороны от портала располагаются живые уголки, воссоздающие атмосферу традиционного (кадимистского) и джадитского медресе. Джадитское медресе представлено партой, школьной доской, картами, наглядными материалами, глобусом, книгами, тетрадами, доской объявлений, сюртуком шакирда. Традиционное медресе представляет собой композицию, в которую входит имитация срубной стены с горизонтальной балкой, дощатый пол, сундук, вешалка, книжные полки, подставки под книгу, лампа, чернильница, перо, лист с рукописным текстом, свиток суфийской силсила с футляром, сумка шакирда, тетрадь шакирда, рукомойник, кумган, посуда, самовар, утварь, коврики, палас, одежда шакирда, хальфы.

Отдельным содержательным экспонатом должна явиться карта распространения татарских медресе с изображениями таких именитых медресе, как Каргала, Кшкар, Тунтер, Гобэйдия, Мухаммадия, Иж-Буби, Расулия, Усмания, Галия и др.

Определенный интерес вызывает и недавняя история – перестроечный период конца XX в. и начало XXI в., когда «исламский» фактор в общественно-политической жизни Татарстана стал наиболее значимым явлением. Ислам в этот период прошел стадии легализации (первый этап возвращения исламских ценностей в татарстанское общество), институционализации (1992–1998), структуризации (1998–2002), внутренней мобилизации (2002–2006) и завершился периодом определения идейно-богословских ориентиров [Мухаметшин, 2014, с. 109–111].

Происходящие в мусульманском сообществе республики в это относительно недавнее время процессы представляют сегодня большой интерес. Они нуждаются в осмыслении, в том, чтобы быть представленными наглядными музейными средствами – как предметными, так и мультимедиа – в виде фотографий, документов и пр.

Период институционализации ислама в Татарстане проявлен в виде становления мусульманских общин, появления первых мусульманских учебных заведений, возрождения и формирования мусульманского духовенства как особой социальной прослойки, активной политической деятельности

мусульман Центральной России и появления основных элементов структуры управления мусульманскими общинами.

Для периода структуризации свойственно формирование действующей системы управления мусульманскими общинами и другими институтами ислама в виде Духовного управления РТ, который представляет собой единственный высший орган мусульман республики и имеет во всех 45 районах Татарстана свои структурные подразделения – мухтасибаты, которые занимаются организацией деятельности 1,5 тыс. мусульманских общин на местах. Все мусульманские учебные заведения (9 медресе, в которых обучались более 1,5 тыс. шакирдов) также стали структурными подразделениями ДУМ РТ.

Мусульманское сообщество Татарстана сегодня переживает очень важный этап в своем становлении. Оно организационно-структурно оформилось, но не определилось в идейных и богословских ориентирах и основных принципах своего существования [Мухаметшин, 2014, с. 112–118]. Особая значимость этого этапа заключается и в понимании необходимости больших интеллектуальных усилий, чтобы четко обозначить будущие ориентиры исламского возрождения в Татарстане.

Таким образом, мы видим, что татарская богословская мысль не заключена только в наследии, в источниках прошлого. Это живая мысль, которая продолжает пульсировать и жить в умах современных мусульман и которая все смелее и смелее проявляет себя и сегодня, используя современные источники и способы передачи информации, в том числе и музейные средства.

Литература

Баруди Г. Бәдә-әл-мәгариф: Гыйлем-әт-тәүхид вә әс-сыйфат: Мәгарифе исламиядән 2 нче жөзъэ. 2 нче басма / Г. Баруди. – Казан: Ун-т басмаханәсе, 1891. – 16 б.

Баруди Г. Тәфсир / Г. Баруди // Әд-Дин вә әл-әдәб. – 1907. – № 3. – С. 66–67; № 4. – С. 98–101.

Баруди Г. Тәфсир / Г. Баруди // Әд-Дин вә әл-әдәб. – 1914. – № 11. – С. 337–339.

Баруди Г. Тәфсир / Г. Баруди // Әд-Дин вә әл-әдәб. – 1915. – № 11. – С. 340–344.

Бигиев М. Фикх ал-Коран / М. Бигиев. – СПб., 1915. – 96 с.

Бигиев М. Взгляд на верование людей в божество (Инсаннарның гакыйдә илалияләренә бер нәзар) / М. Бигиев // Избранные труды; в 2 т. Т. I / сост. и пер. с османского А. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – С. 131–144.

Госманов М.Г. Каурыз каләм эзеннән / М.Г. Госманов // Археограф язмалары. – Казан, 1994. – 463 б.

Исламское вероучение в учебных пособиях и трудах татарских авторов начала XX в.: хрестоматия / сост., введ. и примеч. Р.Р. Сафиуллина. – Казань: КФУ, 2013. – 248 с.

Камали З. Фэлсэфэи игътикадия. Фэлсэфэи исламиядэн 2 нче кис. / З. Камали. – Уфа, 1911b. – 227 б.

Камали З. Фэлсэфэи исламиядэн Аллаһ гадэлэте. Фэлсэфэи игътикадиядэн 1 нче кисэгенэ ляхикъ / З. Камали. – Уфа, 1911a. – 56 б.

Курсави Г. Шәрх эл-гакаид эн-Нәсәфи эл-жәдид / Г. Курсави // Н. Лобачевский ис. Фәнни китапханә. Кулъязмалар һәм сирәк китаплар бүлеге. – Казан. – № 604. – Б. 636–1006.

Курсави Г. Шәрх эл-гакаид эн-Нәсәфи эл-кадим. / Г. Курсави // Н. Лобачевский ис. Фәнни китапханә. Кулъязмалар һәм сирәк китаплар бүлеге. – Казан. – № 841. – Б. 86–12a.

Максуди Х. Гакаиде мәнзүмә: Ибраһим Хаккый әфәнденең «Мәғрифәтнамә» әсәреннән. 3 нче басма / Х. Максуди. – Казан: Харитонов матб., 1905. – 166 б.

Максуди Х. Гыйбадәте исламия / Х. Максуди. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 128 б.

Мараи И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917 гг.); пер. с турец. / И. Мараи. – Казань, 2005. – 199 с.

Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига) / Ш. Марджани; предисл. и пер. с араб. Д. Шагавиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 479 с.

Мәрҗани Ш. Мустафад ал-ахбар. 1 т. / Ш. Мәрҗани. – Казан, 1885. – 82 б.

Мозаффаров М. Мәктәпләрдә иман вә игътикад укыту / М. Мозаффаров // Әд-Дин вә әл-әдәб. – 1915a – № 17–18. – Б. 524–528.

Мозаффаров М. Иҗтиһад вә тәкьлид хакында / М. Мозаффаров // Әд-Дин вә әл-әдәб. – 1915b – № 17–18. – Б. 556–560.

Мостафа Ә. Тәухид / Ә. Мостафа // Дин вә әдәп. – 1915. – № 18.

Мухаметшин Р.М. Основные этапы возрождения ислама в Татарстане / Р.М. Мухаметшин // Этноконфессиональные процессы в регионах постсоветской России: общее и особенное: сб. науч. статей / редкол.: Т.Д. Надькин (отв. ред.), В.А. Бондарев, Л.А. Королева и др. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2014. – С. 109–119.

Сафиуллина Р.Р. Арабская книга в духовной культуре татарского народа / Р.Р. Сафиуллина. – Казань: Алма-Лит, 2001. – 186 с.

Таджаддин ал-Булгари Большой тирйак (Большое противоядие) / Издание текста, пер. с араб., предисл., комм. А.Б. Халидова. – Казань, 1997. – 52 с.